

Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Василий Георгиевич ПАВЛОВ в тридцатые годы работал во МХАТе гримером. И поэтому часто видел прославленных артистов "без галстуков" в неофициальной обстановке, где не обходилось без шуток и потешностей.

88 руб. - 1938 - 16 окт. - с.8

— Василий Георгиевич, вы как-то говорили, что самым ярым любителем анекдотов во МХАТе был Ливанов...

— Да, Борис Николаевич без анекдотов просто никогда не появлялся в театре, поэтому его все ждали в приподнятом настроении... В принципе у Ливанова были различные анекдоты. И все же — как он только уцелел, почему его не "привлекали", не знаю... Ведь это были 30-е годы, когда за анекдот могли и посадить.

— Посадить-то, наверное, могли только за политические анекдоты?

— У него и политические были... Ведь не зря же служба безопасности обращала большое внимание на театры. Сейчас уже известно, что каждый второй-третий работник театра вызывался в КГБ и давал подписку: "Обязуюсь с целью укрепления государственной и советской власти, во имя Родины не допускать никаких контрреволюционных высказываний..." и прочее и прочее.

— Вас тоже вызывали?

— Конечно, вызывали, три раза вызывали, все допытывались: почему нет донесения. "Неужели ни одного анекдота в театре никто не рассказал?" — Да нет, — говорю, — рассказывают, только хорошие...

— Как я понял, из артистов во МХАТе больше всего общались с Ливановым?

— Да. С любимым моим другом, большим актером Борисом Николаевичем Ливановым я познакомился в 31-м году на малой сцене МХАТа. В "Кадратуре круга" Валентина Катаева он исполнял роль Емельяна Черноземного. Борис Николаевич учил меня, как надо гримировать.

Когда в театре были какие-то юбилеи или вечера, то обязательно выставляли карикатуры Ливанова на артистов, начиная со Станиславского. Ливанов был прекрасный художник. Есть даже сборник его карикатур.

— То есть не будь он артистом, мог бы зарабатывать на хлеб живописью?

— У него был дар карикатуриста. Причем на рисунках он изображал не только лицо, но и то, что было характерно этому человеку, какая-то присущая ему слабость: женщины, вино, карты. Во время Ливанова уже вовсю пригласили на съемки фильмов. Когда он возвращался после съемок, то заходил ко мне в мастерскую и, видя мою рыжую, кудрявую шевелюру, говорил: "Эх, мне бы твои волосы, цены бы мне не было!". К сожалению, он стал лысеть, а ведь кино любит натуре, в парике уже не то...

— Наверно, в те тяжелые, мрачные годы многим юмор помочь помогал?

— Ну конечно. В театре жизнь была тоже не легкая. Но люди умели как-то устраивать свой досуг, организовывали капустники, и это поднимало всем настроение.

— Вы мне рассказывали, что Дорохин и Массальский любили разыгрывать Качалова...

— В 38-м году, в декабре месяца, мне присвоили звание младшего лейтенанта, и я в форме явился в Художественный театр. Как раз шел спектакль "У врат царства". Василий Иванович Качалов встретил меня буквально со слезами от радости. Выпили по чуть-чуть (на этом спектакле позволительно было пригубить коньячку, это уже была традиция), и Василий Иванович ушел на сцену, попросив подждать.

В это время в уборную Качалова явились Массальский и Дорохин (они не участвовали в этом спектакле, а просто так пришли). Массальский залез на подоконник и встал за штору, а Николай Иванович остался со мной. Пришел Ва-

сий Иванович, и Дорохин сразу задал ему какой-то вопрос, а Массальский из-за шторы стал отвечать голосом Качалова. Василий Иванович просто обделел. Массальский копировал Качалова безукоризненно.

— А кто еще из мхатовцев был из таких вот шутников?

— Ларин Николай Иванович. Он всегда приходил с какими-нибудь шутками и копировал почти всех. Казалось бы, такому артисту цены нет, а вот поди ж ты — на сцене ни одной приличной роли не сыграл, только в массовых сценах и участвовал.

— А чем это можно объяснить?

— В Художественном театре было очень много хороших артистов, которые в силу обстоятельств не состоялись. Помню, был такой актер Баташов. Умнейший человек, начитанный, литературу хорошо знал, а вот проявить свой талант не мог. Сам себя часто ругал: "Ну что я тут пропадаю? Зачем я здесь нахожусь?" Все понимал, но не уходил из театра. У меня во время работы в Художественном было много любимых артистов: Хмелев, Топорков, Прудкин и особенно Яншин. Помню, как-то с ним казус произошел на спектакле "Дни Турбиных", где он играл Лариосика. Идет сцена встречи Нового года. После бурного веселья все стихает, и Лариосик за столом засыпает. Шеряинский, убедившись, что Лариосик спит, начинает Елену обхакивать. От стола они переходят на диванчик, и уже дело до поцелуев доходит... а реплики Лариосика "Не целуйтесь, а то меня тошнит" все нет и нет. Яншин за столом по-настоящему заснул. Тут Тарасова вырывается из объятий Прудкина, подбегает к столу и локтем как двинет!.. Яншин поднял голову, увидел зрительный зал и, поняв в чем дело, как закричит: "Не целуйтесь, а то меня тошнит". Это было что-то бесподобное...

— Яншину попалот?..

— Да ничего, обошлось. И не так уж много выпивали, только для поднятия духа. Но эта сцена была такой затяжной, что тут и трезвый мог заснуть.

— А Яншин в жизни любил шутить?

— Очень. У него примерно были такие же повадки, как у Тарханова Михаила Михайловича — родного брата Москвина. Они были очень похожи, и их многие

В.И. КАЧАЛОВ.

путали. Но Тарханов был обаятельнее в общении. Когда же говорил, то иногда у него проскальзывали... изысканный намек на русский мат. Говорит, говорит и... какая-нибудь сочная прищипочка "на грани фола". Мягкий такой был человек. Общительный. И деньги у него всегда занимали.

В Художественном театре служила категория бессловесных артистов, к ним относился и Мазалевский. Не знаю уж, каким образом Станиславский взял его. Говорят, он работал писарем в какой-то конторе, грамотный писал, обладал каллиграфическим почерком. Может, из-за этого его Станиславский и пригласил? Выступая во всех массовых сценах, он никогда не произносил ни одного слова, поскольку заикался.

И вот в спектакле "В людях" надо было срочно заменить заболевшего артиста, который в сцене с басующими булочниками говорил: "Конечно!" Поручили это Мазалевскому. А он к тому же еще и шепелявил. И вот когда наступил момент выкрикнуть эту фразу — то сцена практически была сорвана. Хотел стоял дикий. Один раз в жизни человеку поручили произнести слово — и то не смог.

— А с самими Станиславским и Немировичем вам приходилось сталкиваться?

— С Немировичем приходилось. Ставили спектакль "Хлеб" Киришона. Во время и многие артисты, и обслуживающий персонал жили в общежитии, прямо тут же, в театре. И вот после генеральной репетиции разговорился с артистом Сашей Звенигорским, наши койки рядом стояли. Я ему и говорю: "Так в жизни не бывает! Вы вроде бы покос в деревне изображаете. Песни поете, бегаете, дородных девок щупаете. Те хихикают, довольны, что ребята их за сиськи хватают... А на самом деле, если старик в деревне увидит, что на его глазах кто-то кого-то щупает, то получит такого пинка под зад, что потом долго не очухается". Проходит день или два, вызывают меня к Владимиру Ивановичу. Испугался я. А он мне и говорит: "Вася, что мы неправильно в спектакле делаем?" Я ему и повторил все то, что Саше Звенигорскому рассказывал. Выслушал он меня, поблагодарил, а потом все это пейзажное визгание, всю эту беготню убрали из спектакля.

Беседу вел
Александр РОГОВ.

МХАТОВЦЫ

Шерги Б.Н. ЛИВАНОВА.

К.С. СТАНИСЛАВСКИЙ.